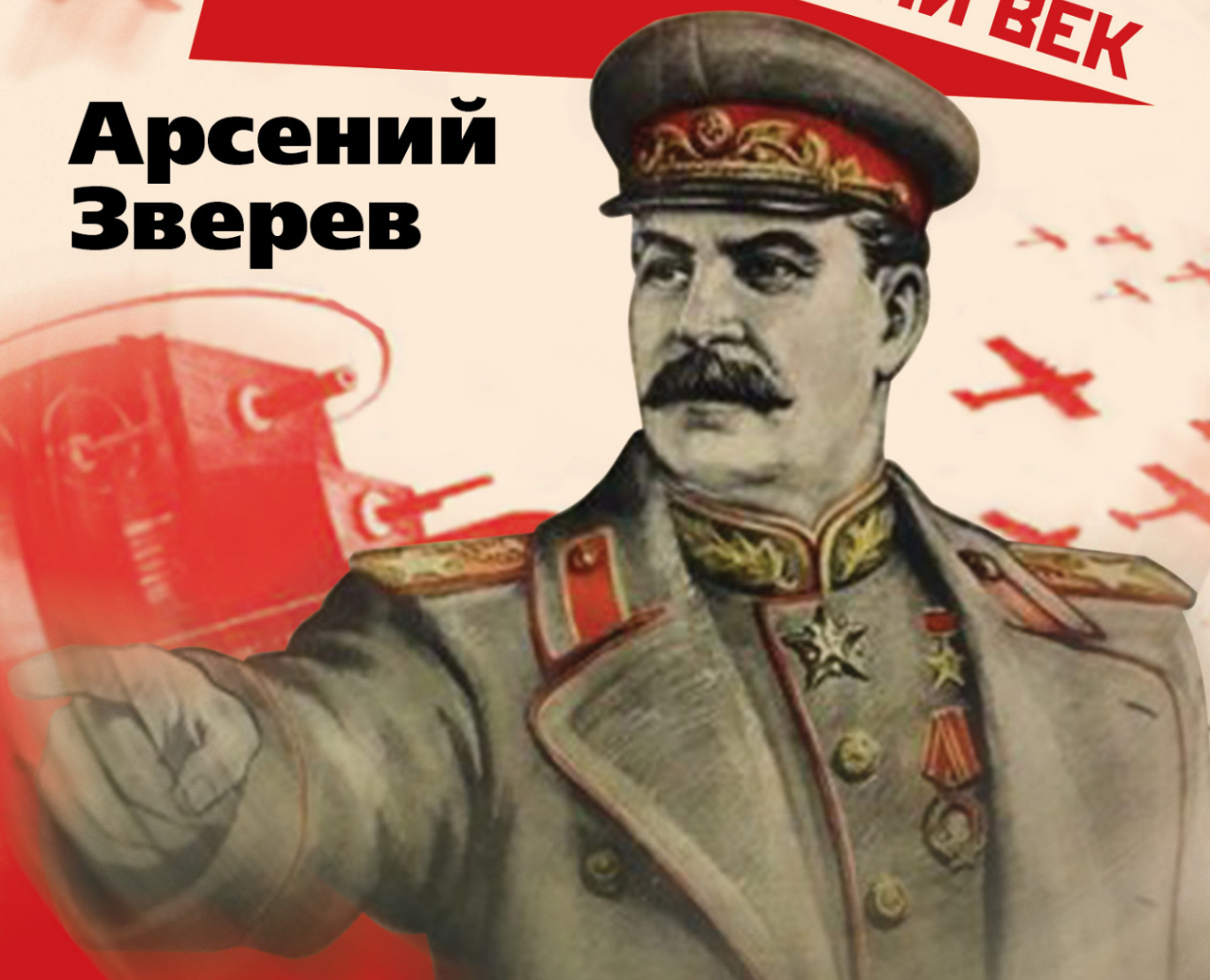

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Арсений
Зверев**

**СТАЛИН
И НАРОД**

ДЕНЬГИ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Советский век

Арсений Зверев

**Сталин и народ.
Деньги для победы**

«Алисторус»

2021

УДК 94
ББК 66.3(2Рос)8

Зверев А. Г.

Сталин и народ. Деньги для победы / А. Г. Зверев —
«Алисторус», 2021 — (Советский век)

ISBN 978-5-00180-170-2

Арсений Григорьевич Зверев был одним из ближайших соратников И.В. Сталина в 1930-е – начале 1950-х гг. Он занимал пост наркома, а затем министра финансов СССР, проводил в стране знаменитую денежную, «сталинскую» реформу, многое сделал для развития хозяйства Советского Союза. В своей книге А.Г. Зверев рассказывает о встречах со Сталиным, о том, как решались важнейшие вопросы по управлению финансами страны. По мнению автора, И.В. Сталин прекрасно разбирался в финансовых проблемах и проводил высокоэффективную экономическую политику, что доказывается на многочисленных примерах. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-00180-170-2

© Зверев А. Г., 2021
© Алисторус, 2021

Содержание

Предисловие	6
Фабричное воспитание	8
Дорога в партию	10
«Республика путь нам укажет»	14
Как мы агитировали	16
Хлебный фронт	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Арсений Зверев

Сталин и народ. Деньги для победы

© Зверев А. Г., наследники, 2021

© ООО «Алгоритм», 2021

Предисловие

Автор этой книги Арсений Григорьевич Зверев прошел путь от текстильщика Высоковской мануфактуры до государственного деятеля социалистической державы, видного теоретика и крупного практика-экономиста, свыше двух десятков лет (с 1937 по 1960 г.) возглавлявшего наркомат (а затем министерство) финансов СССР.

Это время пришлось на годы созидания социализма, Великую Отечественную войну, затем восстановление народного хозяйства и ликвидацию ущерба, причиненного нашей стране гитлеровской Германией.

Особенно трудно пришлось А. Г. Звереву в начальный период Великой Отечественной войны. Следовало изыскать и немедленно мобилизовать колоссальные фонды для нужд обороны. Под руководством Зверева финансовая система была быстро и четко перестроена на военный лад, и на всем протяжении войны фронт и тыл бесперебойно обеспечивались денежными и материальными ресурсами.

После войны, по указанию И. В. Сталина, Зверев разработал проект финансовой реформы и осуществил ее в кратчайшие сроки, что позволило СССР, первому из стран – участников Второй мировой войны, отказаться от карточной системы распределения продуктов и товаров для населения, а потом постоянно снижать цены на них. Так продолжалось вплоть до смерти Сталина, после чего многие достижения предшествующего периода были утрачены; вскоре был отправлен на пенсию и А. Г. Зверев.

Обстоятельства его ухода до сих пор окутаны тайной. Известный писатель и публицист Ю. И. Мухин считает, что причиной отставки явилось несогласие А. Г. Зверева с финансовой политикой Хрущева, в частности с денежной реформой 1961 г.

Мухин пишет об этом так: «В 1961 г. произошел первый подъем цен. Накануне, в 1960 г., был отправлен на пенсию министр финансов А. Г. Зверев. Прошли слухи, что он пытался застрелить Хрущева, а такие слухи убеждают, что уход Зверева не обошелся без конфликта.

Возможно, в основе этого конфликта была денежная реформа 1961 г., а как мы помним по реформе 1947 г., такие мероприятия начинают готовиться примерно за год до их проведения. Хрущев, видимо, не мог решиться открыто поднять цены в условиях, когда народ явственно помнил, что при уже заплеванном Хрущевым Сталине цены не поднимались, а ежегодно снижались. Официально целью реформы было объявлено спасение копейки, дескать, на копейку ничего нельзя купить, поэтому рубль надо деноминировать – увеличить его номинал в 10 раз.

Заметим, что такая скромная деноминация никогда не проводится, к примеру, в 1997 г. рубль был деноминирован в 1000 раз, хотя копейку сразу же выбрасывали из сдачи даже нищие – в 1997 г. и на 10 копеек ничего невозможно было купить.

Хрущев проводил деноминацию только с целью прикрытия ею повышения цен. Если мясо стоило 11 рублей, а после повышения цен должно было стоить 19 руб., то это сразу же бросилось бы в глаза, но если одновременно проводить и деноминацию, то цена мяса в 1 руб. 90 коп. сначала сбивает с толку – вроде и подешевело.

Трудно сказать, но и исключать нельзя, что у Зверева вышел конфликт с Хрущевым именно по поводу вот такого сугубо политического, а не экономического использования финансов».

* * *

Будучи выдвиженцем И. В. Сталина, Зверев принадлежал к числу тех советских руководителей, которые прошли «сталинскую» школу управления государством. В своих воспоминаниях, положенных в основу данной книги, А. Г. Зверев рассказывает об особенностях сталинского стиля руководства Советским Союзом, о поразительной способности И. В. Сталина вникать в самые сложные финансовые и экономические вопросы и принимать по ним верные, полезные для страны решения.

Кроме того, автор повествует о своем жизненном пути – от простого рабочего парня до министра – и доказывает, что такое было возможно только в советской стране, где перед каждым гражданином открывались широкие перспективы для реализации его лучших способностей.

Фабричное воспитание

Если вам доводилось когда-либо ездить из Москвы в Тверь через Клин, то вы заметили, что холмы Дмитровской гряды сменяются под Клином болотистой равниной. Это – правобережье Верхней Волги. Еще в начале текущего столетия тут тянулись почти сплошные леса, перемежавшиеся вырубками и скудными пашнями. В сторону Волги и ее крупных притоков струятся реки Малая Сестра, Яуза (не нужно путать с одноименной московской рекой), Вяз. К западу от Клина, на старинном тракте на Ржев, расположились селения Высоковск, Некрасино, Петровское, Павельцево... Этот край – моя родина. Здесь я родился в 1900 году в бедной семье рабочего и крестьянки. Я был шестым, а за мной последовало еще семь братьев и сестер.

В 1912 году меня приняли на работу на Высоковскую фабрику. Платили мне, помню, сначала 34 копейки в день. Через полгода, когда мастер убедился, что я стараюсь, меня перевели из подсобных рабочих в ученики к специалисту, а потом начали поручать и самостоятельную работу. В 1913 году я стал получать по 15–18 рублей в месяц – столько же, сколько и мой отец, квалифицированный ткач. Был я в то время подавальщиком у одного из лучших проборщиков фабрики Якова Чудесова. Дядя Яков считался гордостью проборного цеха: умел, как никто, делать сложные заправки тканевой основы. Увы, труд на хозяев выкачал из него все силы, а потом он потерял зрение и работать больше не смог... Меня поставили на место Чудесова, благо он в свое время щедро учил меня всему, что умел делать сам. Теперь мне положили жалованье побольше, от 22 до 36 рублей ежемесячно. Так подростком я стал едва ли не главным кормильцем семьи.

Силенок у меня было мало. Отработаешь десять часов и бредешь, пошатываясь от усталости, в общежитие. В тесной каморке с низким потолком, грязными стенами и закопченными окнами, на жестких нарах лежат старшие товарищи или ровесники, бормоча во сне. Кто-то играет в карты, кто-то бранится в пьяном споре. Жизнь их сломлена, подавлены мечты. Что видят они, кроме тупой, изнуряющей и однообразной работы? Кто просвещает их? Кто о них заботится? Тяни из себя жилы, обогащай хозяев! И никто не мешает тебе оставить в кабаке свои трудовые...

Вот идешь ты после смены с фабрики. Твое место – посередине переулочка. Ступишь на озелененный тротуар, берегись попасться на глаза «хожалому». (Так называлось особое лицо. Люди, назначенные администрацией на эту должность, специально следили, чтобы рабочих не было на тротуарах.) Одним из «хожалых» был Ивлев, старый солдат. Двое других сохранились в памяти под своими прозвищами – Баран и Волк. Вооруженные палками, «хожалые» могли избить за любой «проступок». Жаловаться было бесполезно – выгонят с фабрики, и свисти в кулак.

Рядом с фабричным зданием виднелся так называемый Народный дом. Его построили по требованию рабочих. Но началась реакция, и больше рабочим туда не было доступа. Библиотекой, буфетом, бильярдной пользовались только служащие.

Много мы натерпелись хозяйского хамства и своеволия: не вовремя снял шапку, не так взглянул на начальство, осмелился высказать свое мнение... Бесправие рабочего человека и царившие повсюду палочные порядки вызвали законное возмущение. Его надо было направить в нужное русло. Постепенно я начал задумываться над тем, как нескладно устроена жизнь и нельзя ли ее переделать. Этот процесс политического созревания молодого рабочего был ускорен мировой войной. Что дает война трудовому люду? Россия голодает, народ зря на фронте гибнет, страна зашла в тупик. Долго ли еще так будет продолжаться? Самодержавие губит Россию, рабочие и крестьяне бедствуют, а хозяева богатеют. Такие разговоры все чаще слышались в цехах.

В конце 1916 года на фабрике забастовало более 5000 человек. Стачка была всеобщей. Начал ее наш проборный цех. Нас поддержали ткачи и прядильщики. Мы сговорились о совместных действиях и сразу же разошлись по своим деревням, условившись, где и когда снова встретимся. Начальство надеялось, что голод заставит рабочих отступить. Из Клина вызвали полицию. Но рабочие выдержали. Дирекция пошла на хитрость. Пытаясь расколоть фабричный люд, она решила уступить отдельным рабочим. Мы же об этом пока ничего не знали. Срок, который предоставила нам дирекция, истек: убедившись, что она отказала проборщикам в их требованиях, мы на очередной сходке договорились взять коллективный расчет.

Прошла неделя. Некоторых рабочих из нашего цеха администрация вызывала и грозила, если они не приступят к работе, лишит их отсрочки от призыва в армию. Испугавшись этой угрозы, те стали к станкам. Вернулся и еще кое-кто, добившись удовлетворения некоторых требований. Меня на работу не приняли. Увидев меня в конторе, директор Скидмор (англичанин) бросил злым голосом фразу: «Тебе ешо рано баштовать, ты ешо шопляк!» Так закончилась моя карьера высококовского проборщика.

Месяца два я жил дома, помогал матери. А когда грянула Февральская революция и царя сбросили, я распрощался с родными, забрал с собой нехитрые пожитки и уехал в Москву.

Дорога в партию

В 1917 году Москва кипела и бурлила. Толпы, оживленные и говорливые, переходили от одного оратора к другому, заполняя площади и растекаясь ручейками по переулкам. На фронтонах зданий зияли светлые пятна: здесь еще вчера торчали бронзовыми бляхами двуглавые орлы. Большую их часть уже выбросили в мусор, но кое-где они валялись на мостовой, и прохожие топтали их перья.

Я радостно и изумленно взирал на окружающее. Революционные речи, возбужденные лица и необычные для меня картины города, во много раз большего, чем провинциальный Клин, производили огромное впечатление.

Я долго бродил по улицам в поисках пристанища. С скромные запасы домашней снеди стали подходить к концу. Куда проборщику дорога? Ясно куда – на текстильную фабрику... Нашел земляков. Они свели меня в фабричное правление на Никольскую улицу, затем на Нижнюю Пресненскую – на Прохоровскую Трехгорную мануфактуру. Здесь все напоминало Высоковск – такие же станки, общежития, так же долог трудовой день. Но революция внесла новое и за фабричные стены: рабочие держатся с каждым днем все увереннее и увереннее.

Фабрикой управлял холуй миллионера Прохорова Протопопов. Он и его подручные – несколько служащих из конторы – пытались по-прежнему покрикивать на рабочих, однако встречали дружный отпор. А однажды возмущенные текстильщики потребовали, чтобы Протопопов и его присные унесли ноги, пока целы. Шел апрельский дождь, но толпа у конторы не расходилась. Председатель контрольной комиссии фабрики большевик В. Иванов громко заявил, что первый весенний дождь вместе с дворовой грязью смыл и старых хозяйских слуг. В дальнейшем мы их уже не видели.

Эту комиссию избрали сами рабочие. С самого начала в ней задавали тон большевики, хотя на Трехгорке, особенно в фабричном комитете, преобладали эсеры и меньшевики. Удалось, правда, провести заместителем председателя фабкома большевика С. Малинкина. С уважением слушали рабочие и секретаря фабричной большевистской ячейки Г. Романова. Тем не менее эсеры и меньшевики навязывали свою линию и только под напором рабочих соглашались конфликтовать с хозяевами. Для меня вопрос «с кем идти?» был ясен. Я с теми, кто от начала и до конца защищает интересы пролетариев.

Силу коллектива Прохоров почувствовал довольно скоро. Должно быть, он уже тогда понял, что прежние времена ушли безвозвратно. Однако усваивал уроки изменившейся жизни не только фабрикант, но и новички вроде меня. Уровень пролетарской организованности на Трехгорке был несравненно выше, чем на Высоковской мануфактуре. Я убедился в этом очень скоро.

Примерно в середине весны Прохоров заявил фабкому, что топливо кончается, сырья не хватает и фабрика должна остановиться месяца на два. Рабочие знали, что это неправда, и не дали хозяину затормозить производство. Вопреки мнению эсеро-меньшевистского фабкома, который уговаривал рабочих согласиться с Прохоровым, большевики собрали общий митинг. На нем-то и выбрали контрольную комиссию для проверки всех складов. Через несколько дней члены комиссии прошли по цехам и рассказали, что запасов хватит надолго, что спокойно можно работать. Станки не остановились, а фабриканту пришлось отступить. Еще через месяц мы потребовали установления 8-часового рабочего дня. Хозяйские вопли о том, что производство развалится, никого не испугали. Прохоров категорически отказался согласиться с этим требованием, но 8-часовой рабочий день был установлен явочным порядком. И снова Прохоров отступил.

По мере того как я стал привыкать к Москве, все чаще всплывала в сознании старая мысль: учиться дальше! Ведь я так мало знаю. Не удастся ли попасть в Мануфактурно-техни-

ческое училище нашей фабрики? Это училище помещалось в Большом Предтеченском переулке и выпускало техников низших разрядов, специалистов по наладке и ремонту станков и красивой аппаратуры. Директор училища П. Н. Терентьев потребовал рекомендации от фабкома. А там сказали, что я больно горласт: кричу на митингах что надо и чего не надо, да и работаю на Трехгорке совсем мало. Пусть поучатся другие, кто посерьезнее и поспокойнее. Разобиженный, я ушел восвояси, приняв все сказанное только на личный счет. 17-летний парень не смог еще тогда понять, что это жизнь дает новый урок классовой борьбы: как когда-то надменный англичанин показал мне на дверь, так и теперь эсеров-меньшевистские приспособленцы наглядно демонстрируют рабочему, сами того не желая, в какой политической партии следует искать правду.

Летом 1917 года я сблизился с несколькими ребятами, обслуживавшими каландры. Так называли машины, которые прокатывали между валами материю, придавая ей блеск и отпечатывая на ней особый узор. Сильнее других влиял на меня рабочий Лаврентьев. Он содействовал тому, что я начинал все лучше разбираться в ходе политических событий. Подобно его машине, он «отпечатывал» на мне узор своих мыслей, рассуждений и представлений. Пошевеливая узловатыми пальцами, изъеденными анилиновой краской, Лаврентьев внушал мне:

– Нужно готовиться к новой драке. Царя сбросили – хорошо. Но этого мало. Прохоров как сидел у нас на шее, так и сидит. Россия как лила кровь в войне, так и льет. Ты представляешь, какая это сила – рабочий класс? Вместе соединимся, по всем городам затрещат буржуйские устои. Сейчас господа ликуют, хотят старые порядки вернуть, солдат казнят, Ленина ищут, чтобы убить его. Но увидишь, скоро придет им полный конец. А пока нужно делать свое дело, гнать из фабкома их подпевал да прибирать фабрику к рабочим рукам!

Как и всюду, события на Трехгорке особенно бурно развивались после корниловщины. Сначала мы бастовали, когда Корнилов приехал в августе в Москву, на Государственное совещание. Потом, после неудачного его похода на Петроград, пошли беспрестанные митинги. Сразу из цехов или из большой казармы мы бежали обычно к большой кухне, излюбленному месту сбора, где вспыхивало горячее обсуждение происходящего. Наконец решили: переизбрать фабком – он не защищает пролетарские интересы, поет с Прохоровым в один голос.

Перевыборы шли не только на Прохоровке. Вся рабочая Москва гнала прочь в те дни эсеров и меньшевиков, а их место занимали большевики. Обсуждали каждую кандидатуру – как работает, с кем общается, как настроен. Знали друг друга насквозь. Особенно горячо, до хрипоты, участвовали в обсуждении женщины – подавляющая по численности часть прохоровцев: прядильщицы, ткачихи, аппретурщицы или просто жены рабочих, прибегавшие из общежития либо из окрестных домов. В сентябре старый фабком прокатили на вороных. Председателем нового стал большевик Матвей Ефимович Волков. А мой старший товарищ и наставник Лаврентьев был избран в Пресненский Совет рабочих депутатов.

Теперь дела пошли веселее. Все громче звучали пролетарские требования, все увереннее вела за собой рабочую массу большевистская организация, все трусливее поджимала хвост фабричная администрация. Не забыть мне состоявшегося незадолго до Октября огромного шествия трехгорцев на Ходынку. Там нас ждали в своих казармах солдаты. Они выбежали в раскрытые ворота, зазвенела медь оркестровых труб, заговорили наперебой братья, одетые в сатиновые косоворотки и в холщовые гимнастерки. Потом перемешавшиеся ряды тех и других вместе двинулись к Ваганьковскому кладбищу.

У могилы Николая Эрнестовича Баумана, погибшего за рабочее дело, ораторы один за другим клялись довести до победы борьбу с капиталистами и помещиками и не отступать перед врагами.

А когда грянула социалистическая революция, сказала свое слово Красная гвардия. Тревожными ночами, под стрельбу, отбивая наскоки юнкеров, вооруженные рабочие охраняли здание фабрики и общежития. Стоял на посту и я.

Прохоровцы участвовали в боях на московских улицах, продвигаясь к центру города вдоль Большой Никитской. Оттуда и пришла весть, что от юнкерской пули геройски пал наш рабочий Нестор Гевардовский. Надев траурные повязки, мы несли почетный караул у здания правления фабрики, где разместились Пресненский райком РСДРП (б) и пункт записи в Красную гвардию.

Но вот пролетарская власть победила. Прохоровка сменила старое руководство: новая контрольная комиссия, избранная в ноябре, решительно вмешалась в управление фабрикой и взяла на учет все запасы мануфактуры. Прежде Прохоров, используя нехватку в стране тканей, беззастенчиво спекулировал ими. Теперь этому положили конец и отпускали мануфактуру со складов только по разнарядкам, подписанным в Союзе текстильщиков.

Старое не сдавалось без боя. Действовали саботажники. Пытаясь давить на рабочих и показать им, сколь «беспомощна» новая власть, фабричная контора все время задерживала выдачу заработной платы. Ввели контрреволюционную агитацию меньшевики и эсеры. Почти ежедневно прерывалась работа и созывались митинги. Только возьмешься утром за дело, а по цеху уже мчится посыльный:

– Ребята, на сходку!

– Куда?

– К большой кухне.

Торопимся во двор. Со всех сторон стекаются женщины, мужчины. Обсуждаем, спорим, слушаем других и говорим сами. А через день – опять новость:

– Мастера останавливают моторы. Чересчур быстро ходят шкивы. Нужно помедленнее.

– А работать как? Чего они финтят, что мы, глупее их, что ли? Снижают выработку, хотят остановить станки. Знаем эти песни! Тоскуют по прежней жизни. Не позволим!

И опять митинг. Выступают старые служащие, пытаются урезонить ткачих. Члены большевистского фабкома разъясняют, почему мастера стремятся помешать работе, и призывают срывать все попытки саботажа. Прохоров почти не показывается на фабрике, но его люди действуют. Будьте, товарищи, на чеку!

В цехах волновались: Россией правит наша власть, а на фабрике старый хозяин. Давно пора прогнать его, сделать наше производство народной собственностью. Так же рассуждали и на других предприятиях. Ответ дала Советская власть: декретом Совнаркома были национализированы все крупные предприятия. В их число вошли также хлопкообрабатывающие, красильно-аппретурные и льнопеньковые фабрики. Союз текстильщиков известил нас, что следует избрать новое правление на мануфактуре, описать все имущество, установить полный рабочий контроль над производством.

В те же дни в Москве были национализированы мануфактурные магазины, а товары, хранившиеся в них, объявлены народным достоянием. Среди купцов началась паника. Некоторые устремились в иностранные посольства. То там, то тут на дверях магазинов появлялись солидные печати и пломбы. Довольно улыбаясь, хозяева зазывали покупателей, а государственным контролерам предъявляли иностранные паспорта (ведь Советская власть не могла в то время идти на прямой конфликт с другими государствами).

В сентябре 1918 года Трехгорка стала советской фабрикой. Прохоровы владели ею почти 120 лет. И вот им дали от ворот поворот. Новое фабричное правление возглавил наш товарищ И. Касаткин. Две трети членов правления назначил совнархоз, треть избрали сами рабочие. Прохоровым на предприятие больше не было дороги.

Постепенно в руки народа переходили все заводы и фабрики. Дошел черед и до Высоковской мануфактуры. Из писем я узнал, что это произошло в марте 1919 года. В то время меня уже не было на Трехгорке. Развернувшиеся иностранная военная интервенция и гражданская война потребовали массового пополнения Красной Армии. Летом 1918 года по призыву большевистской партии и Советского правительства тысячи пролетариев влились в воин-

ские части. Военное бюро, созданное на Трехгорке, формировало малые и большие боевые отряды, а также направляло в армию отдельных рабочих через Пресненский военкомат. На Юго-Восточный фронт отбыл 21-й стрелковый полк, почти целиком составленный из бывших прохоровцев. На Западный отбыл 41-й полк, на две трети укомплектованный трехгорцами.

Заявление о желании вступить добровольцем в Красную Армию я подал еще весной. И вот наступил мой черед. 1-й запасный полк, в который я попал, располагался на Ходынском поле. Он считался на лагерном положении. Поэтому жили мы в палатках. Дырявая ткань, не раз выдавшая виды, кое-как скрывала от глаз содержимое палатки, но не была даже слабым препятствием для влаги. Когда шел дождь, снаружи было суше, чем внутри. Ежедневно в полку формировались и убывали на фронт маршевые роты. Нас учили владеть оружием, читали нам лекции о политическом моменте. Я и другие молодые красноармейцы стремились скорее попасть на фронт. Но надо мной из-за моего малого роста пожилые посмеивались, советовали подучиться, подрасти.

– Как же так? – горячился я. – Вы, пожилые, идете воевать, а меня, молодого, отговариваете?

Вели они со мной и серьезные разговоры:

– Мы боролись с царем за дело трудового народа. Дожили, дождались, рабочая власть победила. Теперь надо защитить ее. А ты потом поведешь общее дело дальше. В этом и был смысл борьбы. Рассуждаешь ты в целом верно, обстановку понимаешь. Твое место – в рабочей партии.

Мысли о вступлении в партию приходили мне и до армии. Начальные уроки политической борьбы я проходил в Высоковске. Много для меня значила работа на Трехгорке. Окончательно же меня сформировала армия. Я решил вступить в партию.

Нашлось сразу несколько человек, готовых дать мне рекомендации. Став коммунистом, я еще острее почувствовал, что должен быть на фронте, и неоднократно просил об этом начальство.

Иногда мне удавалось заглянуть на Трехгорку. Она остановилась в марте 1919 года. Почти все рабочие отправились на фронт. Опустили цехи, молчал некогда столь оживленный двор.

Мои беспрестанные просьбы в конце концов надоели начальству. Меня вызвал комиссар полка и предложил пойти учиться на красного командира. Я расцвел от радости. Но каково же было мое разочарование, когда мне сказали, что эти курсы находятся в Москве. Значит, снова вдали от фронта? А потом, чего доброго, опять оставят для тыловой службы?

Комиссар обещал помочь мне. И вот в начале 1920 года с вещевым мешком за плечами я прибыл в Оренбург для поступления в кавалерийское училище.

«Республика путь нам укажет»

Военные занятия шли в училище форсированными темпами. Стрельба с лошади и шившись, одиночная и залпами, рубка шашкой, кавалерийские перестроения, организация боя, умение ухаживать за лошадью...

Особенно запомнились занятия, которые проводил начальник дивизиона Келлер. В прошлом офицер царской армии, участник Первой мировой войны, опытный кавалерист, он перешел на сторону Советской власти, вступил в Коммунистическую партию и передавал все свои знания красным командирам. Курсанты уважали его. Когда летом 1920 года училищу пришлось выступить почти в полном составе на ликвидацию одного антисоветского мятежа и надо было решить вопрос о командире, курсантская партия настояла, чтобы во главе боевой группы поставили Келлера. Возглавлял тогда нашу партийную организацию будущий известный советский поэт Степан Щипачев. Он был одним из первых, с кем я познакомился в училище.

Стояла зима 1920 года. Мы, новое пополнение, только что прибывшее в Оренбург, по дороге в кавшкolu дрожали от холода в своих драных шинелишках. Мимо нас по улицам везли на дрогах нескончаемый ряд очередных жертв тифозной эпидемии. В классах с выбитыми окнами нас встретили «старики» – курсанты, учившиеся еще с осени 1919 года. Худые, голодные и уставшие, но зато в теплых полушубках и в нарядных штанах с красными лампасами, они приветствовали новых товарищей. Среди встречавших был и Щипачев. Он тогда только еще начинал свою литературную деятельность: писал в стенгазету, читал стихи в местном клубе, иногда печатался. Среди его первых литературных опытов оренбургская тематика заняла немалое место. Не раз вспоминал он о ней и позднее:

Республика путь нам укажет
Сквозь ветер, сквозь дым, сквозь года...
Курсантскую молодость нашу
Нам не забыть никогда.

В Оренбурге мы занимались не только военной службой. В то время каждый коммунист был на счету. Естественно, что губернская партийная организация привлекала нас к участию в самых разнообразных мероприятиях местных органов Советской власти. Чаще всего мы охраняли здания, где проводились съезды, конференции и собрания республиканского, краевого, губернского или городского масштабов, но нередко и сами являлись активными их участниками. В те годы Оренбург был крупным административным центром территории с рядом национальных меньшинств. Местным партийным и советским органам приходилось заниматься напряженной политической деятельностью. Мне довелось слышать яркие, полные революционного пафоса выступления многих руководителей оренбургских коммунистов.

Когда я приехал на кавкурсы, Оренбуржье входило в Киргизский край. Это название возникло потому, что до революции весь район к северу от Туркестана обычно именовали Киргизией. Там жили как собственно киргизы (в восточной части территории), так и киргизкайсаки, которых с середины 20-х годов стали называть казахами. Таким образом, тогдашний край охватывал почти весь современный Казахстан. В состав ревкома входили известные всему краю деятели С. С. Пестковский, А. Айтиев, А. Т. Джангильдин и другие.

В марте 1920 года состоялся второй Оренбургский съезд Советов. Курсанты охраняли здание съезда и присутствовали на его заседаниях. Я услышал тогда среди других речь председателя губисполкома Николая Дмитриевича Каширина, оренбургского казака, члена большевистской партии с 1918 года. Сын атамана, он, тем не менее, вместе со своим братом Иваном

сразу же перешел на сторону Советской власти и сформировал из верхнеуральских казаков крупный красный отряд, позднее ставший костяком знаменитой 30-й стрелковой дивизии. Она отличилась в борьбе с колчаковцами и врангелевцами. О ее подвигах поется в известной красноармейской песне:

От голубых уральских вод
К боям Чонгарской переправы
Прошла тридцатая вперед
В пламени и славе.

Вне четкой цепи взаимосвязанных воспоминаний, скорее как бы отдельными яркими пятнами уцелели в памяти некоторые картины оренбургской жизни того времени. Вот первомайский субботник 1920 года. Весь народ вышел на уборку города. А вот майский митинг. На огромной Хлебной площади толпа. Невысокая трибуна с трех сторон охвачена людской массой. По партийной мобилизации едут на польский фронт коммунисты. К каждому из них подходят жившие в детском доме сыновья и дочери погибших за дело революции поляков и прикалывают на грудь красный бант.

Осень... Степной ветер метет по улицам почти лишенного зелени города пыль вместе с редкими листьями. В небольшом особнячке заседают говорящие не по-русски товарищи. Над входом красуется плакат «Уй Мадыарорсаг» («Новая Венгрия»). Это проходит губернская партийная конференция венгерских интернационалистов.

Начало 1921 года. Пришло известие, что из Москвы прислали ткацкие машины. Курсанты охраняют место разгрузки. Заинтересовавшись событием, через несколько недель, отпросившись у начальства, отправляюсь на ткацкую фабрику. Как приятно видеть знакомые контуры станков, слышать их перестук! Ползет бумажная основа, вплетается шерстяной уток, и, подрагивая, лезет из-под рамы шинельное полусукно.

Наконец, самые тяжелые воспоминания, связанные с голодной весной 1921 года. Каждый день через станцию проходят поезда, набитые людьми. Это из голодающего Центра и Поволжья едут в Ташкент – «город хлебный». Некоторые, вылезши из теплушки за водой, так и остаются лежать возле железной дороги, не имея сил подняться с земли. Вопят мешочники. Плачут дети. Вот несколько человек трясущимися пальцами сворачивают сигарки, с капустной и крапивной ботвой вместо табака, из выпущенных губздравотделом листовок «О способах применения суррогатного хлеба». В стороне на кострах жгут усеянное вшами платье тифозных. К набережной медленно бредут казахские семьи. Они собрались возле Караван-Сарая в надежде на помощь. Но помочь удалось не всем: городские рабочие сами сидят на мизерном пайке.

Ни одна другая политическая партия, ни одна иная власть на свете не выдержала бы того, что пережила наша страна в страшные 1921–1922 годы. Поднять государство из руин, поставить людей на ноги, открыть перед ними горизонты новой жизни, завоеванной в дни социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны, смогла только Коммунистическая партия, только Советская власть!

Как мы агитировали

Время было трудное, врагов в стране оставалось еще очень много. Поэтому любой из нас считал себя как бы постоянно мобилизованным. Ни у кого и в мыслях не было отделять свою личную судьбу от судьбы всей партии, Советской власти. Поэтому решение партийных инстанций всегда воспринималось не как «начальственное указание», а как нечто близкое и родное, неразрывно слитое с собственной жизнью. Ведь ради этого мы боролись и страдали, ради этого проливали кровь и шли на жертвы. Стоит ли говорить поэтому, что, когда мне посоветовали в партячке подумать о дальнейшей работе именно на пропагандистском фронте, я не колеблясь дал согласие.

В моем Клинском уезде кадры были очень нужны. Новые товарищи и слышать не захотели, что я рассчитываю хоть месяц пожить в родной деревне. Мне дали на свидание с родными неделю, а потом сразу завалили поручениями. Я и оглянуться не успел, как был назначен секретарем агитационно-пропагандистского отдела уездного комитета РКП(б).

Чем же мы занимались в те дни? Первая наша задача состояла в разъяснении важнейших очередных мероприятий Советской власти. Возьмем, например, сентябрь 1922 года. В этом месяце ЦИК принял решение о праздновании Международного юношеского дня, учредил Российское телеграфное агентство, передал обычным государственным органам в связи с частичным улучшением продовольственного вопроса все дела Помгола (организации «Помощь голодающим»), заменял старые денежные знаки советскими рублями; Совнарком протестовал против империалистической блокады Черного моря. Начался октябрь – и опять масса событий: Совнарком издал постановление о выпуске банковских билетов и учреждении ломбардов на правах ссудных касс, началась решительная кампания по борьбе со взяточничеством, была введена постоянная зарплата для служащих, готовилось открытие Всероссийской сельскохозяйственной выставки, пришло известие об освобождении Владивостока от белогвардейцев и интервентов, начали чеканить золотые червонцы, пошла подписка на государственный заем и продажа билетов очередной лотереи, РСФСР пригласили на Лозаннскую конференцию.

Вот последовал ноябрь: опубликовали декрет о единовременном гражданском налоге и постановление об амнистии к пятой годовщине Октябрьской революции, прошли организация и проведение праздника, состоялись IV конгресс Коминтерна и II конгресс Профинтерна, трудовой и гужевой налог заменили денежным обложением, Дальневосточная Республика вошла в состав РСФСР. В декабре открылся III конгресс Коммунистического Интернационала молодежи, заседала Московская международная конференция по сокращению вооружений, состоялись X Всероссийский и I Всесоюзный съезды Советов, образовался Союз ССР. Обо всем этом следовало рассказать, подчеркнув политический смысл событий.

Что за сумбур! – подумает, пожалуй, иной читатель. Тут и ломбарды, и Коминтерн, и амнистия преступникам... Но на вещи нужно смотреть не только глазами сегодняшнего дня, а и переносясь в былое. Такое «двойное зрение» просто необходимо, если кто-нибудь хочет вжиться в эпоху и постичь внутреннюю логику ее событий. Ныне люди думают иначе, чем в 1922 году. Не та жизнь, не та обстановка... Тогда наших граждан волновало многое такое, над чем современное поколение даже не задумывается.

Когда, например, РСФСР пригласили участвовать в работе Лозаннской конференции, почти в каждой первичной партийной организации развязалась дискуссия, нужно ли принимать приглашение империалистов? Когда наши дипломаты поехали за границу, не один человек (кто – с теплой улыбкой, кто – с издевкой, а кто – и с недоумением) считал обязательным поделиться своими мыслями по поводу того, что советские государственные деятели, вчерашние борцы революции, сочли необходимым надеть «буржуйское платье» – давно, казалось, позабытый фрак. Зато я никогда не забуду накаленной атмосферы собраний, принимавших

негодующие резолюции протеста против того, что некоторые страны отказались последовать советскому призыву о разоружении, провозглашенному на Московской конференции.

Рассказывать обо всем этом населению и вести агитационную работу было очень трудно, прежде всего из-за отсутствия необходимой материальной базы. Поэтому главным оружием агитации и пропаганды были выступления, горячее большевистское слово. Не раз случалось, что весь состав укома разъезжался по городкам и деревням уезда, чтобы в непосредственном общении с трудящимися донести до них голос партии.

На кого же мы опирались в нашей нелегкой работе? Надо сказать, что диктатура пролетариата была отнюдь не отвлеченной политической фразой, а практической реальностью. Именно от рабочего класса, его сплоченности и революционной решимости зависел тогда успех нашей агитации, результат воплощения в жизнь политики Коммунистической партии. Клинский уезд, слабо развитый в промышленном отношении, представлял в этом плане не очень благоприятную картину. В 1922 году в Клину имелось лишь несколько мелких предприятий; партийная прослойка даже среди рабочих была сравнительно невысокой. К началу 1923 года в уезде насчитывалось 446 коммунистов, из которых 282 жили в деревнях. Партячейка на среднем по размерам предприятии состояла обычно из пяти – десяти человек. Конечно, иной была картина, скажем, на Большой Высоковской фабрике, но это – исключение.

Особые трудности испытывали мы при проведении агитационно-пропагандистской работы на селе. Там первой нашей опорой служили сельсоветы. В 1923 году из 665 работников всех 168 сельсоветов только 23 являлись коммунистами и 26 – комсомольцами. Из 65 сотрудников 15 волостных исполкомов лишь 23 состояли членами РКП(б) и РКСМ. Остальные сельские большевики и коммунистическая молодежь жили в разных деревнях. Сплошь и рядом встречались селения, где совсем не было коммунистов. Политический актив в таких населенных пунктах мы создавали, ведя работу среди бедняков, а потом уже с его помощью старались вовлечь в любое дело остальную часть жителей.

Поднять общий уровень культурного развития, помочь скорейшей ликвидации неграмотности – это была также неотложная задача. Сельское население было в массе своей неграмотным. Большое значение придавал поэтому агитпроп-отдел маленьким очагам культуры, распространявшим свет знания. До революции Клин не мог тут ничем похвастаться. Изредка клинский рабочий покупал билеты в «Электричку» (кинотеатр Беликова). Библиотека общества трезвости, в которой имелось до тысячи томов книг, и купеческо-дворянский клуб были ему, конечно, недоступны. Зато пролетарий мог свободно зайти в любую из пяти городских церквей и в любой из пятнадцати трактиров.

Советская власть постаралась даже в те трудные годы как можно скорее развить сеть подлинных очагов просвещения. В 1923 году в уезде насчитывалось уже 33 библиотеки (в том числе семь в Клину), шестнадцать изб-читален, два народно-крестьянских дома, восемнадцать клубов, пять театров, два кинотеатра, два музея. Выпускали разносторонне подготовленных рабочих и техникумов Владыкинское и Соголевское фабрично-заводские училища. Действовали помимо обычных детских школ до двадцати пунктов ликвидации неграмотности и одиннадцать школ для малограмотных.

Для того чтобы читатель лучше понял дух времени, приведу некоторые примеры. Вот выступаю я, скажем, в Клинской городской школе имени Законова. Меня слушают учителя, часть которых, пришедшая из дореволюционной школы, настроена по отношению к Советской власти скептически. После выступления сыплются вопросы, некоторые – с подковыркой или даже провокационного содержания. В ответ на один из вопросов привожу скромную цифру: в 1920 году в нашем уезде на каждую 1000 человек населения умирало 27, а рождались 22, теперь же, то есть в 1922 году, умирают 24, а рождаются 38. Гремит овация. Принимается правильная резолюция, а учителя все без исключения наперебой стараются после собрания позвать членам укома руки. Нас долго не отпускают – делятся своими планами...

Наступил 1923 год. Я встретил его в дороге, возвращаясь в город из села Дулепова, где выступал перед служащими конного завода. Выступление прошло удачно. Со вниманием выслушали начало речи с непрямым в то время рассказом о международном положении, оживленно реагировали на сообщения о последних мероприятиях Советской власти, о жизни нашего уезда. Потом долго беседовали по душам. Под конец выяснилось, что несколько рысаков-производителей конзавод отправляет в Клин, откуда они железной дорогой будут следовать в Москву. Воспользовавшись оказией, я сел в сани, и меня первый (и последний) раз в жизни «прокатали на вороных», но только в хорошем смысле этого выражения. Скрипели полозья, разлетался в стороны снег, и не хватало только бубенцов. Заводской кучер резко осадил в городе перед укомовской дверью. И первым, кого я встретил, вылезши из саней, был председатель укома.

– На рысках разъезжаешь, товарищ Зверев? Вижу, вижу, в своей работе достиг ты уже вершины. Пора переводить на другую должность!

– Брось, что за шутки? Ехал на попутных.

– Шутки действительно в сторону, а вот насчет новой службы – это я всерьез. От нас требуют человека с опытом политической работы на продовольственный фронт. Наметили тебя. Повоюй, Арсений, за хлеб для Советской власти! Завтра по командировке уезжаешь в Москву, зайди за направлением.

Хлебный фронт

Борьба за хлеб была тогда подлинным фронтом. У всех перед глазами еще маячила голодная тень 1921–1922 годов. Решительные мероприятия Советской власти, хороший урожай и первые успехи новой экономической политики вывели страну из опасности. Но где гарантия, что неурожай не повторится? Жизнь требовала твердого обеспечения населения продовольствием. Между тем конкуренция государственного сектора хозяйства с частным, нэпманским, предъявляла к тому же дополнительные требования, а задача восстановления национальной экономики до довоенного уровня, которую мы тогда решали, выдвигала требование постоянного и полнокровного снабжения промышленности сельскохозяйственным сырьем.

Основную часть продуктов по государственной линии страна получала тогда через продовольственный налог на сельское население. Он составлял 240 миллионов пудов зерна; декрет ВЦИК от 21 марта 1921 года предусматривал снижение налоговой цифры.

Построенный на классовом принципе, продналог был прогрессивным. Это значит, что чем беднее хозяйство, тем меньше оно отдавало. Так Советская власть обеспечивала интересы трудового сельского большинства. Точная цифра налога, сообщаемая еще до начала весеннего сева, позволяла крестьянину заранее ориентироваться, сколько он должен будет сдать государству и сколько останется в его распоряжении. Различные льготы труженикам, расширявшим посевы, внедрявшим технические культуры и повышавшим урожайность, способствовали подъему деловой активности деревни. Политическое значение продналога, как ясно каждому, состояло в дальнейшем укреплении союза рабочих и крестьян.

Сначала продналог взимался только в натуральной форме. XII съезд РКП(б) в резолюции «О налоговой политике в деревне» указал на необходимость унифицировать все платежи в сельской местности и перейти от натурального обложения к денежному. Крестьянин сумеет, таким образом, лучше приноровиться к рынку, избрать наиболее выгодные культуры или направить свою силу в промысловые занятия. Еще в марте 1922 года был введен единый натуральный налог, исчислявшийся в стандартной весовой мере – пуде ржи либо пшеницы, а с мая 1923 года начал действовать новый единый сельскохозяйственный налог, частично взимаемый уже деньгами. Имелись отдельные губернии, где его целиком платили в денежной форме. Бедняков, как правило, от платы освобождали. Для предоставления льгот образовывали фонд за счет скидок в размере 5 процентов общей суммы. В целом по стране освободили от этого налога свыше 30 процентов крестьянских дворов, а самых неимущих снабжали хлебом в государственном порядке.

Но инспектора обязаны были не только изучить всю эту общую картину, чтобы уметь донести ее до населения, а и конкретно знать каждый пункт и параграф длинных и сложных инструкций. Ведь согласно установленной регламентации следовало в каждом отдельном случае определять норму поступления продукции с хозяйства. А это касалось уже живых людей: их семей, их быта и самого существования. Я неустанно зубрил официальные документы, за бесстрастными цифрами которых стояли реальные крестьянские души, и въедливо требовал от своих подчиненных того же. В нашем Клинском уезде было установлено одиннадцать налоговых разрядов (в зависимости от размеров урожая) и семь групп хозяйств (в зависимости от числа едоков на десятину надела). Если на одну душу приходилось менее 0,5 десятины при урожае ниже 25 пудов (минимальный предел), то налог равнялся всего 10 фунтам зерна. Если на каждого едока приходилось в среднем более чем четыре десятины и 70 пудов хлеба (максимальный предел), то налог равнялся 11 пудам 20 фунтам. В последнем случае речь шла уже о кулацких хозяйствах. Большую часть крестьян нашего уезда, а их было к концу 1923 года 104 тысячи, составляли середняки и бедняки.

К чему же сводились мои непосредственные обязанности? Будучи по совместительству помощником по политической части в заготовительной конторе, я являлся как бы комиссаром. Отвечал в рамках уезда за правильность раскладки продналога, а также за своевременность и полноту его поступления. Имел право надзора за рынками. Мог требовать содействия административных и партийных органов. Мне подчинялся штат разъездных налоговых инспекторов. Если кто-либо из местных властей мешал их работе, инспектора немедленно ставили вопрос об освобождении такого лица от работы. Людей, отказывавшихся платить налог, инспектор мог арестовать на трое суток, а уездный комиссар – на семь суток. Если заготовкам оказывали организованное сопротивление, мы вызывали вооруженный отряд, а сами, на всякий случай, никогда не расставались с оружием: не один продавец пал в те дни от кулацкой руки.

Чаще мы сталкивались, впрочем, уже не с вооруженным сопротивлением, а со случаями злонамеренного обмана. На обманщиков налагалась пеня, и об этом обязательно доводилось до сведения населения. Обнаружив, что кто-нибудь недоплатил, а потом сбывает излишки на рынке, я мог запретить ему торговать. Наконец, при необходимости я имел право возбудить иск и передать дело на рассмотрение выездной судебной сессии. Все эти права и обязанности были записаны в особом мандате.

Больше всего хлопот доставили нам кулаки. Их антисоветская агитация, всегда конкретная, с учетом местных условий и психологии каждой личности, которую они намеревались использовать в своих интересах, в основном была рассчитана на то, чтобы показать кулака «всеобщим заступником». Немало середняков и даже бедняков попадалось на их удочку и пело с чужого голоса. Враги Советской власти шли и на террористические акты.

В моем ведении находилось тогда восемь из пятнадцати волостей, или свыше 250 деревень уезда. Особенно трудной была весьма кулацкая по социальному составу Круговская волость. В то же время при сравнительно невысоком проценте середняцких хозяйств там было более половины бедняков. Значительная часть местных кулаков являлась «по совместительству» нэпманами, занимаясь стеклодувным промыслом. В таких деревнях изготавливались термометры, аптечная посуда, елочные украшения, стаканы. Владельцы подобных хозяйств обладали, если употреблять марксистский экономический термин, не чем иным, как рассеянной мануфактурой, – нанимали надомников из бедного крестьянства. На некоторых кулаков работали до пятисот человек. Они покупали у предпринимателя сырье, орудия труда, керосин, а получали за свой труд гроши. Эксплуатация носила жестокий характер. Налогом владельцев почти не облагали, так как не всегда можно было доказать, что они используют чужой труд.

Другую категорию сельских нэпманов составляли владельцы теплиц с большим количеством обогревательных печей. Они занимались выращиванием в зимнее время огурцов и тоже эксплуатировали как явных, так и скрытых батраков. В некоторых теплицах работа велась даже круглосуточно.

Находившиеся в теплицах оборванные, исхудавшие женщины называли себя то племянницами, то сестрой или свояченицей хозяина. А тот, ухмыляясь, добавлял:

– Да что тут спрашивать? Живем одной семьей!

– А почему в разных избах?

– Вы, гражданин инспектор, ко мне не прилипайте. Я плачу государству налог, какой по закону положено. Вот квитанция. На товар тоже никто из покупателей не обижается. Можете сами проверить. Пройдемте в горницу. Есть очищенная... Закусите соленьями, поговорим по-человечески.

– За попытку подкупа я вас сейчас на выездную судебную сессию отправлю!

– Что вы, что вы, милый человек, я ведь как гостю предлагал. Знаю, что издалека приехали, замерзли. Коли сердитесь, то и не надо. А на теплицу у меня имеется разрешение. Вот, сельсоветом заверено.

Такие разговоры повторялись сплошь и рядом. Еще труднее было в этой волости с уплатой продналога. Поступали сигналы, что кое-где богатеям удалось подкупить представителей сельской власти. В некоторых деревнях бедняки жаловались, что в сельсоветы пролезли кулаки. Да и сам вижу: нужно в город посылать возы с зерном, а налицо грубый саботаж и срыв поставок. Тогда я договорился с уездным прод-комиссаром С. Казаковым, энергичным и добросовестным человеком, что не уеду из волости, пока не добьюсь порядка, и начал систематически объезжать одну за другой деревни.

Прежде всего говорил с коммунистами. Затем созывал население. Всюду меня встречали приветливо, со вниманием слушали беседу о затруднениях Советской власти с продовольствием, о нуждах рабочих и армии. Потом высказывались и обещали в два дня сдать весь продналог.

Бывало, что заверения оставались только заверениями. Приглашали в таких случаях в волисполком председателей сельсовета. Почему обманули? Где хлеб? Те ссылались на тысячи причин и торжественно клялись, что через сутки зерно будет на месте. Но проходило еще двое суток... Снова вызывали людей в исполком и строго предупреждали: если через сутки продналог не будет уплачен, то председатель ответит по всей строгости закона, вплоть до судебного разбирательства. Он должен прибыть вместе с обозом. А если без него, то пусть возьмет с собой продукты, так как его, как саботажника, тут же передадут в руки милиции.

После этого последовал долгий разговор с председателем волисполкома. Осуждающе поглядывая на меня, тот заметил, что мне нет еще 23 лет, а я так сурово разговариваю с бороатыми мужиками. И почему я вообще тут распоряжаюсь как главный? Есть же волостное начальство. Времена разверстки прошли. С крестьянами надо разговаривать помягче. Сколько привезли, за столько и спасибо.

Отвечаю, что у него беспартийный подход к делу. Не хватает принципиальности, требовательности. Что волисполком идет на поводу у собственников, не заботится о нуждах Советской власти, не выполняет разнарядки, принятой в уезде и по волости. Возраст мой тут ни при чем. Речь идет о хлебе для пролетариев и Красной Армии. Борода – тоже ни при чем, она не делает человека честным. Если раньше волость не сдавала полностью налога, то не гордиться этим нужно, а стыдиться этого. Угрожаю же я потому, что тот, кто не дает хлеб городу, есть враг Советской власти. Действую же я строго по закону. Вот мой мандат. В нем записаны мои права. Тут, между прочим, сказано, что представители власти обязаны содействовать проинспекторам. Тех же, кто не помогает, следует отстранять от работы. Будете срывать поставки – вами займется уездный комиссар. Если налог и в третий раз не привезут, ответите вместе со срывщиками.

Неожиданно для меня председатель волисполкома рассмеялся и сказал, что хватка у инспектора крутая. В ответ он услышал, что ему, напротив, не хватает в характере большевистской твердости. Дальше разговор пошел миролюбивее.

А хлеба как не было, так и нет. На очередное совещание явились все работники сельсоветов. Вероятно, они надеялись, что и на сей раз дело ограничится разговорами. Я позвал волисполкомовского сторожа дядю Матвея, велел отпереть комнату предварительного заключения и перевел туда собравшихся, а потом запер дверь, поставил возле нее милиционера, сказал в комнату через форточку, что откладываю заседание вплоть до особого распоряжения, и ушел к себе в отдел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.